

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Н.Н. Бектимирова*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРИБУНАЛ НАД «КРАСНЫМИ КХМЕРАМИ» КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

В статье рассмотрены отдельные положения концепции правосудия переходного периода в контексте политических реалий Камбоджи. Главным механизмом реализации данной концепции выступает международный трибунал над «красными кхмерами», проводившими политику геноцида. Решения трибунала являются для камбоджийцев важнейшим критерием оценки правосудия и установления истины. Показана специфика функционирования трибунала, обусловленная влиянием как внешних, так и внутренних факторов.

Ключевые слова: правосудие переходного периода, международный трибунал, «красные кхмеры», геноцид, национальное примирение, Камбоджа.

Концепция правосудия переходного периода (ППП) и механизмы ее реализации нашли широкое отражение как в теоретических разработках политологов, международников и юристов, так и в практической деятельности значительного числа постконфликтных государств. ППП сосредоточено на фактах массовых нарушений прав человека со стороны общества, находящегося в состоянии перехода от авторитарного правления к демократии или от войны к миру. В поле такого правосудия попадают в первую очередь преступления, связанные с серьезными нарушениями прав человека, – пытки, казни без суда и следствия, продолжительное произвольное лишение свободы, рабство, а также некоторые международные преступления, например геноцид, преступления против человечности и грубые нарушения законов и обычаев войны [2, с. 233–234].

Следует отметить, что основные механизмы, заложенные в ППП, направлены на достижение важных целей, ориентированных главным образом на будущее, таких как формирование взаимного доверия между пострадавшими, гражданами и властными структурами, реформирование общественных институтов посред-

---

* Бектимирова Надежда Николаевна – д.и.н., профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: nabektimirova@yandex.ru).

ством восстановления верховенства закона, обеспечение функционирования судебной системы в соответствии с международными нормами права. Однако в первую очередь практика ППП касается ответственности за нарушения прав человека, совершенные в прошлом.

Разработанные ООН различные методики, составляющие ППП, обычно сочетают «исцеляющие» меры восстановительного правосудия – комиссии по установлению истины и примирения, как это было в Южной Африке, Сьерра-Леоне, Восточном Тиморе, и параллельную систему карательного правосудия (преимущественно в отношении лиц, несущих главную ответственность за самые серьезные преступления, и непосредственных их исполнителей) в виде международных трибуналов, как это было в Руанде, бывшей Югославии, Камбодже.

Таким образом, перед ППП в постконфликтной ситуации стоят многоплановые задачи. Один из теоретиков данной концепции австралийский ученый В. Ламбурн, проводивший полевые исследования в Камбодже, Руанде, Восточном Тиморе и Сьерра-Леоне, считает, что не менее важная задача ППП – установление «истины» о прошлых событиях, т.е. выявление не только виновных лиц, но и достоверной фактологии событий, подлинных историй очевидцев, возобновление открытого общественного диалога. Так, многие жертвы насилия, с которыми беседовал В. Ламбурн, говорили ему, что для них правда о событиях прошлого подчас важнее правосудия [16, р. 34–36].

Практически во всех постконфликтных государствах важнейшим механизмом осуществления ППП является активное участие международных акторов, в первую очередь различных учреждений ООН, крупных международных неправительственных организаций (Human Rights Watch, Amnesty International, Open Society Justice Initiative) и представителей мирового сообщества.

С одной стороны, такое участие крайне важно, так как после любого конфликта требуется переходный период, в течение которого государственный аппарат, необходимый для утверждения верховенства закона, находится в процессе создания и еще слишком слаб для эффективного осуществления закрепленных за ним полномочий, особенно в отношении преступлений, совершенных в прошлом. В этих условиях участие наднациональных учреждений и организаций помогает внедрить международные процессуальные стандарты правосудия и восстановить шкалу ценностей, которые послужат основой уважения закона и прав человека.

С другой стороны, международные акторы, как правило, не соблюдают принципа нейтралитета, симпатизируя или даже открыто поддерживая одну из сторон конфликта. В результате ППП не всег-

да гарантирует удовлетворительное решение проблем в постконфликтной ситуации. Как показывает опыт Камбоджи, отправленные правосудия вообще может быть заблокировано препятствиями, связанными с международным контекстом.

В 1975–1978 гг. находившаяся у власти в Камбодже группировка «красных кхмеров» во главе с Пол Потом осуществляла геноцид собственного народа. Точное число жертв режима уже никогда не будет установлено. Согласно общепринятому мнению, численность людей, казненных или умерших от рабского труда, голода, истощения и пыток, составляет от 1,7 до 2,5 млн – 25% населения [18, 08.12.2011]. Геноцид закончился в результате военного вмешательства Вьетнама в декабре 1978 г., однако вопрос о правосудии в отношении режима «красных кхмеров» по ряду причин ожидал своего решения не одно десятилетие.

Все эти годы США, Китай и их союзники поддерживали Пол Пота под предлогом неприемлемости иностранного (вьетнамского) вмешательства во внутренние дела Камбоджи. В 1979 г. Комиссия по правам человека ООН отказалась заниматься разбирательством массовых преступлений режима. В 1980-е годы руководители «красных кхмеров» сохраняли свои места в ООН, «представляя» там камбоджийский народ. В течение нескольких десятилетий международные инстанции отказывались предать суду ответственных за геноцид.

Попытка организовать судебное разбирательство над «красными кхмерами», предпринятая новыми властями Народной Республики Кампучия в 1979 г., завершилась неудачей. Народно-революционный трибунал, который судил «клику Пол Пота и Иенг Сари» в отсутствие главарей кровавого режима и заочно приговорил их к смертной казни, не был признан и принят ни международным сообществом, ни самим кхмерским народом. Трибунал был воспринят как показное, насквозь политизированное «действие», имевшее крайне слабое юридическое обеспечение. Сами обвиняемые отсутствовали, защита практически не была представлена, подробного допроса свидетелей не проводили.

Впоследствии урегулирование «камбоджийской проблемы», начавшееся в 1987 г., предполагало полноценное включение группировки «красных кхмеров» в переговорный процесс, что делало невозможным даже само упоминание «геноцида» 1975–1979 гг. «Красные кхмеры» участвовали в подписании мирных Парижских соглашений по Камбодже в 1991 г.

Лишь после выхода так называемой Демократической Кампучии из процесса мирного урегулирования и образования в 1993 г. нового государства – Королевства Камбоджа – стало возможным возвращение к идее судебного разбирательства в отношении преступлений кровавого режима.

Таким образом, именно международные акторы первоначально создали прецедент «отложенного» правосудия. Впоследствии наказание «красных кхмеров» было «отсрочено» еще на 10 лет уже по причинам, связанным с внутренней ситуацией в Камбодже.

Теоретики ППП отмечают важность баланса между необходимостью осуществления правосудия и потребностью в мире, демократии и справедливом развитии [2, с. 235]. Как показывает опыт Камбоджи, это чревато определенной опасностью, поскольку судебное разбирательство может быть обусловлено политическими мотивами. В 1990-е годы власти Камбоджи не поддерживали идеи трибунала над «красными кхмерами», мотивируя это необходимостью в первую очередь решить задачи восстановления страны, достижения политической стабильности, экономического роста и борьбы с бедностью. Фактически правительство ратовало за создание экономических и политических предпосылок для возврата кхмерского общества к верховенству закона, но при этом сохранялся риск оставить без должного наказания преступления «красных кхмеров». Ситуация усугублялась тем, что выросло молодое поколение, которое лишь понаслышке знало о геноциде. Так, при проведении социологического опроса на вопрос «Как режим геноцида “красных кхмеров” повлиял на вашу теперешнюю жизнь?» 43% населения ответили «Никак» [17, р. 128].

Когда в декабре 1998 г. бывшие лидеры Демократической Кампучии Кхиеу Самфан и Нуон Чеа прекратили вооруженную борьбу и признали законность королевского правительства, власти Камбоджи оценили это как решающий шаг в завершении процесса национального примирения. Премьер-министр Хун Сен заявил при этом: «Движение “красных кхмеров” прекратило свое существование. Национальное примирение — источник мира и стабильности — состоялось, оно даст толчок национальному развитию». Он призвал кхмеров «вырыть яму и закопать там прошлое ради общего мирного будущего» [13]. Кхиеу Самфан и Нуон Чеа на своей первой пресс-конференции перед западными корреспондентами в январе 1999 г. заявили, что они очень сожалеют о жертвах периода 1975–1979 гг., и просили прощения у родственников погибших [12].

Именно международные акторы, которые когда-то заблокировали суд над «красными кхмерами», 30 лет спустя решительно настаивали на его проведении. Переговоры об организации международного трибунала над руководителями Демократической Кампучии (1975–1979), виновными в политике геноцида, продолжались почти 6 лет. Они были инициированы США в 1997 г. и поддержаны Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном. В 1999 г. Хун Сен направил ему письмо, в котором заявлял о невозможно-

сти проведения международного трибунала, так как любые акты правосудия «обязательно вынудят “красных кхмеров”, сдавшихся властям по амнистии, вновь вернуться в лес и возобновить партизанскую войну». Позднее он уточнил свою позицию: «Мы никогда не отрицали необходимости расследования преступлений геноцида лидеров “красных кхмеров”. Однако мы хотим предупредить, что любое решение по привлечению их к суду должно учитывать потребность Камбоджи в мире, национальном примирении, восстановлении и экономическом развитии и ликвидации бедности. Если неверно повести дело о суде над лидерами движения, то это может вызвать панику среди бывшего офицерского состава “красных кхмеров”, которые уже сдались. Это может заставить их уйти в джунгли и снова начать гражданскую войну» [17, р. 53].

Кхмеры решительно отвергали идею международного суда, настаивая на том, чтобы это был чисто камбоджийский трибунал. В ООН позицию Камбоджи разделял Китай, который не хотел привлекать внимание мирового сообщества к своей роли в поддержке режима «красных кхмеров». Однако США, как, впрочем, и другие страны-доноры, настаивали на международном статусе трибунала по типу судебного разбирательства в Руанде или по бывшей Юго-славии, угрожая в противном случае сократить Камбодже экономическую помощь [14].

ООН и западное сообщество не без оснований опасались, что национальный суд не сможет соответствовать международным стандартам правосудия, а это угрожало дискредитацией самой идеи ППП, ведь задача трибунала состояла не только в том, чтобы выявить степень вины руководителей «красных кхмеров», но и в том, чтобы выстроить «прозрачную», независимую систему принятия судебных решений, показать важность следования закону, неотвратимость судебного наказания, уважение прав обвиняемых, защиту свидетелей и пострадавших, т.е. реализовать основополагающие принципы судебной системы как одного из главных механизмов демократизации страны. Именно поэтому так важно было интернационализировать этот процесс, привлечь к нему юристов, адвокатов и судей международного класса, многие из которых уже участвовали в судебных разбирательствах подобного рода в других странах.

Впоследствии была достигнута договоренность о формировании так называемого гибридного, или смешанного, трибунала с участием как иностранных судей, обвинителей и защитников, названных ООН, так и кхмерских, которых утвердит правительство. В 2008 г. штат сотрудников, работавших в рамках трибунала, включал 230 камбоджийцев и 100 иностранцев.

К числу наиболее спорных вопросов, которому не уделили должного внимания, относится вопрос о количестве лиц, привлекаемых к судебной ответственности. Согласно международной практике, если насилие приобрело массовый характер, то наказанию должны быть подвержены «высокопоставленные лидеры» и «наиболее ответственные» за преступления геноцида. По мнению западных экспертов, таких лиц должно быть «не слишком много и не слишком мало» — около 20–30 человек [15, p. 42]. Однако кхмерское правительство решительно ограничило число привлеченных к судебной ответственности пятью обвиняемыми — последними оставшимися в живых руководителями режима «красных кхмеров», поскольку другие виновные, в частности Пол Пот, уже умерли. Настаивая на столь малом количестве подсудимых, правительство Камбоджи указывало, что привлечение к судебной ответственности более широкого круга лиц — руководителей среднего звена кровавого режима — представляет определенную опасность ввиду возможной дестабилизации политического положения в стране. В данном случае опасения властей Камбоджи нельзя назвать бесосновательными. Вместе с тем следует признать, что амнистия для части «красных кхмеров», в том числе тех, у кого на совести вопиющие преступления против человечности, станет серьезной помехой на пути к установлению истины.

Летом 2003 г. между ООН и правительством Камбоджи была достигнута окончательная договоренность о проведении трибунала, в 2004 г. Национальное собрание страны утвердило соответствующий закон. Удалось определить первоначальный бюджет, составивший 56,3 млн долл. Он был сформирован из взносов, сделанных 13 государствами и ООН. Впоследствии бюджет существенно увеличился: в период с 2006 по 2011 г. на трибунал было потрачено 169,9 млн долл., из них 70,57 млн долл. предоставила Япония, сама Камбоджа выделила на эти цели 13,4 млн долл. Бюджет на 2012–2013 гг. составит 89 млн долл. [18, 18.01.2012].

В мае 2006 г. король Камбоджи утвердил 13 иностранных (из Австралии, Австрии, Канады, Франции, Японии, Новой Зеландии, Нидерландов, Польши, Шри-Ланки и США) и 17 камбоджийских судей и обвинителей, которые должны были принять участие в трибунале. Летом того же года судьи были приведены к присяге. Как свидетельствуют социологические опросы, 61% населения Камбоджи считает, что именно смешанный трибунал сможет обеспечить вынесение справедливого решения [15, p. 11].

Осенью 2007 г. под стражу были заключены четыре высокопоставленных руководителя Демократической Кампучии: Нуон Чеа (1927 г. рожд.) — заместитель генерального секретаря Коммунистической партии Кампучии, член Постоянного комитета (Политбю-

ро), Иенг Сари (1929 г. рожд.) – заместитель премьер-министра, министр иностранных дел, Иенг Тхирит¹ (1931 г. рожд.) – министр по социальным вопросам и Кхиеу Самфан (1929 г. рожд.) – председатель Государственного президиума. Пятый подсудимый – начальник тюрьмы Туол Сленг – Каенг Киеу Иеу (1942 г. рожд.) – уже находился в тюремном заключении с 1999 г.

Безусловно, на этой «пятерке» лежит огромная ответственность за содеянное в период существования Демократической Кампучии, но все же это лишь пять человек из множества лиц, в той или мере участвовавших в осуществлении политики геноцида, и отвечать им придется за преступления, совершенные более 30 лет назад. По мнению Э. Соттаса, генерального секретаря Всемирной организации против пыток, «малочисленность обвиняемых и тот факт, что судить их будут за преступления, совершенные в отношении лиц, принадлежащих к предыдущему поколению, выступают как два фактора, которые не согласуются с заявленными целями ППП – полностью разобраться с наследием прошлого и сделать это как можно скорее» [2, с. 232].

Механизм установления истины является ключевым компонентом ППП и инструментом поиска ответственных за совершенные преступления. В широком смысле термин «установление истины» относится не только к уголовным судебным процессам, но и к расследованиям, проведенным за пределами судебной системы, и включает широкий круг программ, которые, как правило, или предшествуют, или осуществляются одновременно с процессом отправления правосудия. Как показал опыт таких стран, как Южная Африка, Сьерра-Леоне, Восточный Тимор, ведущая роль в реализации программ ППП (в различных его аспектах) должна принадлежать международным и местным неправительственным организациям (НПО). В Камбодже их работа шла по нескольким направлениям: сбор документов и свидетельских показаний о преступлениях режима геноцида «красных кхмеров»; информационно-разъяснительная деятельность среди населения о трибунале и его задачах; оказание психологической помощи жертвам геноцида; внедрение в массовое сознание культуры уважения закона и неотвратимости наказания за содеянные преступления.

В Камбодже активно использовали механизмы отправления ППП, разработанные ООН и апробированные в других странах: национальные консультации, социологические опросы, дискуссионные форумы. В 1990-е годы представители НПО признавали, что рядовые кхмеры зачастую вообще ничего не слышали о

¹ Уже в ходе судебных слушаний Иенг Тхирит была признана недееспособной вследствие прогрессирующей болезни Альцгеймера.

предстоявшем трибунале и не проявляли к нему сколько-нибудь значительного интереса, объясняя свою позицию так: «трибунал — это не мое дело, я — простой крестьянин, мне надо кормить семью» [17, р. 123]. По данным некоторых социологических опросов, в 2008 г., т.е. за год до начала работы трибунала, 60% граждан страны имели о нем весьма смутное представление [19, р. 158]. Этому отчасти способствовала позиция, занятая руководством Камбоджи, которое не проявляло заинтересованности в широком информировании населения о проблемах, связанных с трибуналом. Так, один из членов правительства откровенно признавался: «Мы, как садовники, должны подготовить почву для трибунала. Но мы не хотим слишком активной вовлеченности общественности в этот судебный процесс — это может быть опасно. Мы беспокоимся, что трибунал может нарушить политическую стабильность, поэтому не намерены обсуждать эту тему с населением. Мы не хотим тревожить общество» [17, р. 60]. Однако трибунал как важнейший компонент ППП может решить поставленные перед ним задачи только в том случае, если информация о нем станет достоянием широкого круга граждан, чьи родные и близкие были жертвами геноцида. В связи с этим информационно-разъяснительная деятельность должна носить поистине всеобъемлющий характер.

В 1994 г. в Йельском университете (США) была утверждена программа по изучению режима геноцида «красных кхмеров» в Камбодже. Для сбора материалов в рамках этой программы в Пном Пене был учрежден Центр документации Камбоджи, сотрудникам которого к началу работы трибунала в 2009 г. удалось собрать более 50 тыс. документов, тысячи свидетельских показаний о «красных кхмерах», а также провести интервью с 40 тыс. бывших солдат режима. Все документальные материалы изначально были классифицированы по таким категориям, как «пытки», «геноцид», «каторжный труд», «преступления против человечности», и стали своеобразным «фундаментом» для будущего трибунала. По словам директора Центра Йоук Чханга, подлинность всех документов неоднократно перепроверяли, так как цель состояла в том, чтобы «докопаться до истины о режиме», собрать исторические материалы для суда, найти виновных в геноциде [18, 03.02.2012].

Собственные расследования проводили в тот период и кхмерские журналисты. Так, Тхет Самбат, специальный корреспондент газеты «The Phnom Penh Post», снял документальный фильм «Враги народа», в который вошли его многочисленные интервью с Нуон Чеа, взятые еще в 1997 г. В ходе тех встреч бывший высокопоставленный «красный кхмер» достаточно правдиво рассказывал о режиме.

Активизация деятельности ПНО пришлась на конец 1990-х годов — период относительной политической стабилизации, когда население страны уже ощутило первые плоды процесса демократизации и некоторое улучшение условий жизни в результате рыночных реформ в экономике.

С 2000 г. по инициативе посла Дании в Камбодже госпожи Л. ван ден Ассум стал выходить ежемесячный журнал «В поисках правды». Спонсорами издания выступили правительства Канады, Германии, Швеции, Швейцарии, Норвегии и Дании. Журнал распространяли бесплатно, его ежемесячный тираж составил 7 тыс. экземпляров. Сотрудники издания провели серию социологических опросов на тему о том, как кхмеры трактуют понятия «примирение», «правосудие», готовы ли «простить» преступления кровавого режима, узнать и понять «темные страницы» истории своей страны. Мнения опрошенных выявили национальную специфику и помогли НПО выработать более эффективные методы работы по подготовке населения к началу судебных слушаний над «красными кхмерами». Данными организациями было проведено множество тренинговых программ и семинаров по проблемам поиска правды о прошлом, по внедрению культуры уважения закона и соблюдения прав человека в переходный период. В Пном Пене, Баттамбанге и Сиануквиле сотрудники журнала совместно с НПО (Центром социального развития) провели так называемые открытые форумы — публичные дискуссии с участием бывших солдат «красных кхмеров» и рядовых камбоджийцев по вопросу о необходимости трибунала и отношении к трагическому прошлому страны. Один из таких форумов транслировали по национальному телевидению [17, р. 60]. Сведения, полученные в результате подобных мероприятий, дали ценную информацию о степени готовности населения к судебному процессу над «красными кхмерами» и ожидаемых результатах. По данным Центра по правам человека Института Беркли, в 2010 г. уже 75% камбоджийцев в той или иной степени были осведомлены о работе трибунала [19, р. 158].

По общему мнению, НПО сыграли важную роль в формировании нового взгляда на саму судебную систему и ее роль как в процессе национального примирения, так и в ходе демократизации.

В качестве важной составной части ППП в Камбодже выдвигают концепцию национального примирения, которое постепенно должно произойти в результате международного трибунала над преступниками. Правда, возникает вопрос: относится ли в строгом смысле примирение между палачами и жертвами к сфере правосудия?

В Камбодже веками существовало свое понимание «примирения», которое не предполагало акта «возмездия». Как показывает

практика, рядовые кхмеры крайне редко обращаются в суд и предпочитают разрешать все конфликтные ситуации, не покидая пределов своей деревни. Любой конфликт, будь то семейные ссоры, земельные споры или невыполнение долговых обязательств, урегулируется через посредничество третьей стороны, в роли которой выступают влиятельные люди из местной общины – деревенский староста, настоятель буддийского храма или ачарья. Считается, что решение конфликта с привлечением людей извне ведет лишь к фрагментации, а не консолидации местного общества. Для старосты важно не допустить крестьянина до суда, иначе деревня «потеряет свое лицо». Все решают на месте и хорошим старостой считается того, кто говорит: «в моей деревне конфликтов нет» [17, р. 107]. При этом цель разрешения споров состоит не в выяснении правых и виноватых и не в утверждении торжества «справедливости», а в ослаблении социального напряжения. Любые конфликты и вражду рассматривают как явления, не только опасные по своим последствиям, ослабляющим деревню, но и духовно вредоносные сами по себе, разрушающие единство социума, что ведет к гибели всего и всех. Сохранение органического единства деревенской общины – залог процветания и благополучия каждого отдельного ее члена – таков категорический императив крестьянского сознания, выработанный многими веками кхмерской истории. В камбоджийской деревне редко можно столкнуться с открытыми конфликтами и очень трудно определить, кто испытывает негативное отношение друг к другу. Деревенское общество нацелено не на «борьбу за справедливость», а на согласие, достигнутое зачастую нелегким путем посредничества и компромисса. Любые открытые ссоры и стычки означают нарушение общепринятых правил приличия. Установка на то, чтобы промолчать и тем самым не нарушить социального порядка, сохраняет свою актуальность и в настоящее время [18, 03–16.01.2003]. В городе рядовой кхмер не обращается в суд по другим причинам: судьи коррумпированы, судопроизводство стоит дорого и идет крайне медленно. Социологические исследования Всемирного банка показывают: почти 65% кхмеров считают, что официальная судебная система – «только для богатых и влиятельных людей», и более 60% населения не доверяет судам [4, р. 90].

Последовательная, настойчивая и разнообразная деятельность НПО в какой-то мере помогла вопреки устоявшимся стереотипам убедить рядовых кхмеров в необходимости проведения трибунала не только для осуществления правосудия над «красными кхмерами», но и для установления «истины» о прошлом, которая, в свою очередь, облегчит и ускорит процесс национального примирения в настоящем и будущем.

Именно НПО стали связующим звеном между трибуналом и гражданским обществом, обеспечив формирование более зрелого отношения населения к ППП и участие в нем свыше 2 тыс. человек в качестве свидетелей.

Социологические опросы, проведенные в 2009 г., показали, что на вопрос «Нужен ли суд над “красными кхмерами”?» положительный ответ дали 40% жителей Баттамбанга, 55% жителей Сиануквиля и 84% жителей Пном Пеня [17, р. 5]. 74% граждан выразили надежду, что трибунал поможет им лучше разобраться в сути режима «красных кхмеров» и мотивации действий лидеров режима [15, р. 148].

Независимо от конкретных результатов трибунала можно сделать вывод, что многообразная деятельность по реализации механизмов ППП в формате дискуссий, консультаций, социологических опросов способствовала ускорению процесса демократизации кхмерского общества, повышению активности и профессионального уровня национальных НПО, формированию кадров общественных активистов на местном уровне, выработке в кхмерском обществе более зрелого отношения к закону и соблюдению прав человека.

Документальные материалы и свидетельские показания, собранные во время подготовки к трибуналу, легли в основу первого школьного учебника по периоду Демократической Кампучии, написанного в 2007 г. кхмерским историком Кхамболи Ди. Камбоджийские учителя признаются, что рассказывать об этом периоде истории в школах крайне сложно, так как молодое поколение часто просто не хочет верить, что «в Камбодже в 1975–1979 гг. были запрещены деньги, закрыты рынки, ликвидированы города, а руководители страны совершали массовые убийства рядовых граждан» [18, 17.06.2010]. Очевидно, что системе образования должна принадлежать ведущая роль в осмыслении жестокостей прошлого и формировании исторической памяти. По данным социологических опросов, 85% камбоджийцев считают, что изучению истории Демократической Кампучии следует отвести особое место в школьной программе [17, р. 177].

В феврале 2009 г. начались первые судебные слушания в рамках трибунала, которые предположительно продлятся до конца 2013 г., окончательный вердикт будет оглашен в 2016 г., еще два года уйдет на рассмотрение апелляций, и, как ожидается, в конце 2018 г. трибунал завершит свою работу.

Все судебные дела разделены на отдельные эпизоды — насильственное выселение граждан из Пном Пеня, рабский труд в кооперативах, недоедание, содержание в тюрьмах, геноцид в отношении национальных меньшинств, уничтожение религии и на-

сильственные браки, когда имели место массовые нарушения прав женщин.

Гражданское общество страны представляют на трибунале более 2 тыс. свидетелей и активистов различных общественных организаций.

В соответствии с международными процессуальными стандартами ППП трибунал строго соблюдает принцип уважения прав обвиняемых: с ними работают авторитетные команды защитников. Поскольку в силу преклонного возраста у подсудимых имеются серьезные проблемы со здоровьем, каждый из них находится под круглосуточным медицинским наблюдением, в случае необходимости им обеспечивают консультации иностранных специалистов и госпитальное лечение.

Открытие процесса стало важным историческим событием для камбоджийского общества. Трибунал позволит не только привлечь к ответственности палачей и восстановить справедливость в отношении жертв режима, но и дать кхмерскому народу ответ на вопрос, почему события в Камбодже в 1975–1979 гг. приобрели такой неправдоподобно кровавый характер. Об этом, в частности, заявил накануне первого слушания Кхиеу Канарит, пресс-секретарь правительства и министр информации [18, 17.02.2009]. Трибунал — это своеобразное напоминание о том, что для преступлений против человечности нет срока давности. По мнению американской журналистки Е. Бекер, которой довелось в 1978 г. брать интервью у Пол Пота, «сам по себе факт начала работы трибунала означает признание того, что преступления были совершены. А открытые дебаты и дискуссии, которые идут в обществе относительно мрачного прошлого Камбоджи, — это уже акт исцеления» [18, 08.02.2012].

Успешный ход судебного процесса во многом зависит от убедительности доказательственной базы. Именно в этом вопросе трибунал сталкивается с множеством трудностей. Пока не ясно, в каком количестве и какие документы периода 1975–1979 гг. сохранились до настоящего времени. В результате событий, последовавших за свержением режима «красных кхмеров», основная масса партийных документов была уничтожена, многие из них перешли из рук в руки, и в настоящее время крайне сложно определить их подлинность. В связи с этим определенные сомнения вызывают и материалы, собранные в 1990–2000-е годы Центром документации Камбоджи. В любом случае они требуют серьезной перепроверки.

Некоторые подлинные документы, которые сохранились от режима «красных кхмеров», не поддаются интерпретации, так как многие фразы в них зашифрованы и смысл их не совсем ясен. Подавляющее большинство документов деперсонифицировано: в них нет имен сотрудников, которым была направлена та или иная ди-

ректива, и подписей тех, кто их посылал. Партийные директивы, как правило, подписывали «офис 870»² или «Ангка лы»³ и направляли в различные структурные подразделения, которые кодировали цифрами. По мнению защиты, документы, не содержащие имен обвиняемых, не могут служить прямым доказательством их вины.

В тексте ряда документов встречаются имена, но достоверно неизвестно, кто за ними скрывается, так как руководители государства широко использовали «революционные псевдонимы». Так, в 1978 г. Нуон Чеа в беседе с иностранными корреспондентами заявил: «Секретность — основа всего, что мы делаем. Например, выборы наших товарищей на руководящие посты проходят секретно, место жительства и настоящие имена лидеров держатся в тайне. <...> Только через конспирацию мы можем овладеть ситуацией и одержать победу над врагом, который просто не знает, кто есть кто» [4, р. 114].

Существует множество интервью с жертвами режима, устные рассказы пострадавших, по которым во многом и была восстановлена история Демократической Кампучии. Однако все они были даны не под присягой, часто под сильным эмоциональным влиянием или, наоборот, с учетом опыта последующих прожитых лет, поэтому могут быть использованы только как косвенные доказательства.

Важной частью любого судебного процесса являются свидетельские показания. Однако в данном случае их нельзя считать надежным доказательством, так как с момента событий прошло 30 лет. Основные свидетели — пожилые люди, имеющие серьезные проблемы со здоровьем, в том числе ослабленную память. Некоторые из них не скрывают, что довольно смутно помнят подробности событий тех лет.

По мнению судей, отдельные свидетели могут быть не совсем искренними в своих показаниях из-за нежелания вспоминать пережитое. Так, жительница провинции Кратъэх Йин Сун Ун, которая проходит как свидетель по делу о каторжных работах, откровенно призналась: «У меня панический страх перед воспоминаниями о прошлом. Я боюсь, что не смогу дать четких показаний на суде» [18, 21.11.2011].

17 февраля 2009 г. начались слушания по делу Каенг Киек Иеу (больше известного под именем Доть) — начальника тюрьмы Туол Сленг, которая стала зловещим символом режима «красных кхмеров». Через ее застенки прошли более 12 тыс. заключенных, лишь

---

² Таким кодом обозначали секретариат Центрального комитета Коммунистической партии Кампучии.

³ Дословно — «высшая организация», название Коммунистической партии.

горстке из которых удалось выжить. В это учреждение попадали «враги наиболее высокого уровня», и хотя в Демократической Кампучии было около 150 тюрем, Туол Сленгу принадлежало центральное место в репрессивной системе. Американская журналистка Е. Бекер писала о том, что в этой тюрьме все было отработано до автоматизма: четко определены дни, когда убивали врагов народа, их жен и детей, когда ликвидировали рабочих, а когда — крестьян [3, p. 262].

Судебный процесс начался именно с Дотя, так как его персональная вина была наиболее очевидной, совершенные им преступления имели убедительную доказательственную базу, в частности были использованы предоставленные самим Дотем многочисленные тюремные документы, которые включали фотографии узников, их биографии, признательные показания, записи о пытках в тюремном журнале, личные инструкции начальника тюрьмы о казнях осужденных и т.д. Доть был единственным участником процесса, кто выразил готовность сотрудничать с трибуналом и еще до начала слушаний признал свою персональную вину и публично раскаялся в содеянном [18, 17.02.2009]. По его делу проходили 90 свидетелей, показания которых помогли восстановить картину чудовищных преступлений, совершенных в Туол Сленге в отношении узников. Девиз Дотя был следующий: «Сломить волю заключенных пропагандой или пытками, но не дать им умереть без признания вины» [15, p. 119–120]. Один из бывших охранников тюрьмы, в частности, рассказал, что начальник давал им инструкции, каким образом следует казнить того или иного заключенного, а иногда они убивали сразу по сотне человек: надевали заключенным наручники, завязывали глаза, сажали в грузовики, говорили, что перевозят в другой район, а сами везли на поля смерти «Чхын Эк», там подводили несчастных к краю ямы, ставили на колени и перерезали им горло [18, 17.07.2009].

Защита Дотя была построена на том, что он не входил в круг наиболее высокопоставленных руководителей режима, в первую очередь ответственных за политику геноцида, а только выполнял приказы. В своем заключительном слове бывший начальник Туол Сленга заявил, что только благодаря беспрекословному подчинению режиму он и выжил, а следовательно, он тоже жертва «красных кхмеров» [18, 03.01.2012].

3 февраля 2012 г. трибунал, учитывая шокирующий и тягчайший характер преступлений Дотя, а также длительный период их совершения, приговорил его к пожизненному заключению. Читая окончательный вердикт, председатель трибунала судья Нил Нонн заявил, что свои преступные обязанности главы тюрьмы Туол

Сленг, где погибли 12 тыс. человек, исполнял «с чрезмерным рвением» [18, 07.02.2012].

Немногие выжившие узники тюрьмы, присутствовавшие на процессе в качестве свидетелей, говорили, что они более 30 лет ждали этого момента – правосудия. Для камбоджийского общества, в котором национальное судопроизводство пока не отвечает международным стандартам, наказание Дотя стало важнейшим критерием оценки ППП. Приговор трибунала удовлетворил ожидания и широкой общественности, и пострадавших. Через 30 лет после окончания геноцида закон сказал свое слово и восстановил порядок, основанный на уважении права, когда палач был объявлен преступником, а пострадавший от его рук – жертвой. Приговор удовлетворил потребности и в установлении истины, знание которой само по себе является своеобразной моральной компенсацией для пострадавших.

Трибунал как механизм реализации ППП в определенной степени выполняет свое предназначение, гарантируя справедливое наказание за преступления, совершенные в прошлом. В странах, идущих, подобно Камбодже, по пути демократизации, эффект уголовного преследования за такого рода масштабные преступления носит многофакторный характер. Приговор трибунала выходит за рамки понятия справедливости и неотвратимости наказания, не ограничивается педагогической и профилактической ролью: он посылает ясный сигнал обществу о ценностях, которые должны его цементировать, и о священной природе права, служащего фундаментом для этих ценностей и эффективно защищающего их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Механизмы обеспечения верховенства права для постконфликтных государств. Национальные консультации по вопросам отправления правосудия в переходный период. ООН. Нью-Йорк; Женева, 2009.
2. *Comnac Э.* Правосудие переходного периода и санкции // Международный журнал Красного Креста. 2008. Т. 90. № 870. С. 225–263.
3. *Becker E.* When the War was Over. Cambodia and the Khmer Rouge Revolution. N.Y.: Public Affairs, 1998.
4. Beyond Democracy in Cambodia. Political Reconstruction in a Post-Conflict Society / Ed. by J. Ojendal, M. Lilija. Copenhagen: NIAS Press, 2009.
5. *Chandler D.* Brother Number One. A Political Biography of Pol Pot. L.: Westview Press, 1995.
6. The Duch Verdict: Khmer Rouge Tribunal Case 001. Documentation Center of Cambodia. Phnom Penh, 2010.
7. Extraordinary Chambers in the Courts of Cambodia [Official website]. URL: www.eccc.gov.kh (accessed: 27.04.2012).

8. *Fawthrop T., Jarvis H.* Getting Away with Genocide. Elusive Justice and the Khmer Rouge Tribunal. L.: Pluto Press, 2004.
9. Genocide. Who are the Senior Khmer Rouge Leaders to be Judged? Documentation Center of Cambodia. Phnom Penh, 2010.
10. *Gibson J.L., Sonis J., Sokhon Hean.* Cambodian's Support for the Rule of Law on the Eve of the Khmer Rouge Trials // International Journal of Transitional Justice. 2010. Vol. 4. C. 377–396.
11. *Heder S., Titemore B.* Seven Candidates for Prosecution: Accountability for the Crimes of the Khmer Rouge. Phnom Penh, 2004.
12. How sorry? // The Economist. 1999. January 2. P. 34.
13. *Hun Sen.* An Analysis on Seeking a Formula for Bringing Top KR Leaders to Trail // Cambodia New Vision, Phnom Penh. 1999. № 14. P. 1.
14. *Jonson K.* Hun Sen Tries the UN Once Again // The Straits Times. 1999. March 15. P. 24.
15. The Khmer Rouge Tribunal / Ed. by J.D. Ciorciari. Documentation Center of Cambodia. Phnom Penh, 2006.
16. *Lambourne W.* Transitional Justice and Peacebuilding after Mass Violence // International Journal of Transitional Justice. 2009. Vol. 3. C. 28–48.
17. *Linton S.* Reconciliation in Cambodia. Phnom Penh, 2004.
18. The Phnom Penh Post.
19. *Sperfeldt Ch.* Cambodian Civil Society and the Khmer Rouge Tribunal // The International Journal of Transitional Justice. 2012. Vol. 6. C. 149–160.